

В. И. ДЕГТЯРЕВ

БАЛТИЙСКИЕ ДАННЫЕ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Задача сравнительно-исторического изучения категории числа славянских языков состоит в реконструкции ее архаического состояния и определении основных закономерностей формирования и развития. Решение этой задачи не может обойтись без широкого привлечения данных балтийских языков. Особая ценность этих данных заключается не только в соответствии грамматических элементов — флексий, основообразующих и словообразовательных формантов, моделей или типов, но и в сходстве и тождестве этимологических основ, что свидетельствует о генетической близости, прямых и длительных контактах и активном взаимодействии славянских и балтийских языков в их истории.

Категория числа в современных индоевропейских языках является универсальной грамматической категорией словоизменения с флективно выраженной оппозицией форм единственного и множественного числа, но формирование и развитие ее были направлены от словообразования к словоизменению в процессе становления флексии как средства выражения грамматических значений, связи и отношений словоформ в предложении. Грамматикализация средств выражения количественных отношений составляет генеральную линию в развитии всего комплекса языковых категорий количества, включая число имен существительных, вид глаголов, степени сравнения прилагательных. Этот общий вывод является важнейшим результатом историко-генетического и сравнительного исследования категории числа на материале славянских языков¹. Актуальность этого вывода определяется тем, что он опровергает априорное представление о числе как словообразовательной категории в современных славянских языках.

Древний славянский язык унаследовал из праиндоевропейского языкового состояния флективный строй. Флексия исконно выполняет две функции — структурную (оформление слова и синтаксических связей слов в предложе-

¹ См.: Дегтярев В. И. Категория числа в славянских языках (историко-семантическое исследование). Ростов н/Д, 1982.

нии) и смысловую (выражение грамматических значений словоформы). В праславянском языке каждое имя существительное независимо от типа предметно-логического содержания функционировало в определенной грамматической форме числа, которая вместе с тем служила формой рода и падежа. На универсальный характер грамматической категории числа в древних индоевропейских языках, свойственный всем флективным частям речи, указывал И. М. Тронский: „Как правило, где есть флексия, там налицо и сопричастность к категории числа“². Уже в эпоху индоевропейского языкового сообщества категория числа сформировала характер облигаторной и универсальной грамматической категории. Изменение по числам и падежам составляло целостную систему склонения, построенную по принципу корреляций форм, образующих парадигмы словоизменения. Но даже на основании исторических данных, зафиксированных памятниками письменности старшей поры, можно заключить, что категория числа имен существительных в период, непосредственно предшествовавший появлению письменности у славян, а следовательно, и ранее, имела свои отличия, выразившиеся в более активной роли лексико-словообразовательных средств выражения количественных значений. Известно, напр., что древнейшие праславянские типы имен собирательных выполняли функции грамматических форм множественного числа, а значение единичности выражалось специальными словообразовательными формами — сингулятивами. Эти архаичные, остаточные явления — очевидные свидетели первоначального словообразовательного способа выражения количественных противопоставлений в праязыке.

Известные реконструкции представляют позднее состояние индоевропейского языкового единства, в котором категория числа, опиравшаяся на флектированные формы выражения, имела уже в основном сложившийся характер категории словоизменения, свойственный ей в современных языках развитого флективно-синтетического типа. Но дальняя реконструкция отражает несравненно более древнее, дофлективное состояние праиндоевропейского языка³ и не содержит грамматических (словоизменительных) форм числа или формальных различий по числу для периода, предшествовавшего оформлению флексии. Естественно, что в дофлективный период количественные отношения должны были выражаться словом, лексическими и словообразова-

² Тронский И. М. К семантике множественного числа в греческом и латинском языках // Уч. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. 1946. № 10. С. 54.

³ По мысли И. М. Тронского, „мы имеем все основания доводить дальнюю реконструкцию до эпохи, предшествующей возникновению флексии“ (Тронский И. М. Общеиндоевропейское языковое состояние. Л., 1967. С. 50).

тельными средствами. Форма слова, равная основе, совмещала значения единичности и множественности, т. е. имела общее значение числа. Эти значения различались ситуативно или с помощью количественных определений (конкретизаторов).

Флексия сначала была приспособлена для выражения субъектно-объектных отношений в предложении, т. е. исконно связана с формированием категории падежа. Реконструкция падежных флексий показывает, что первоначально не проводилось различия падежных форм по числу. В частности, не имела числовых различий форма именительного (активного) падежа. Об этом свидетельствует то, что окончание единственного числа **-s* получилось из окончания **-es*, выражавшего значение множественного числа. В хеттском языке индоевропейские окончания родительного падежа **-es / *-os* (ед. ч.) и **-om* (мн. ч.) выражали падежное значение без различия в числе, т. е. употреблялись в значении и единственного и множественного числа. Очевидно, что это древнее явление, восходящее к праязыковому состоянию. Тем более не различались в числе формы других косвенных падежей, напр., аблатива и инструменталя⁴. Такое состояние отражает тот же хеттский язык. Значит, первоначально это были формы с общим значением числа. Множественность, выраженная словом, лексически, естественно, имела собирательный характер. Различие совокупной и дифференцированной множественности, актуальное для обозначения множества в классе лиц, достигалось в определенной речевой ситуации или сочетаниями с количественными словами.

Следы общего числа могут быть обнаружены в раннем праславянском состоянии, напр., слав. **děť* (** < d(h)oj-tis*), производное от индоевропейской причастной основы **dhoj-t-* (**dhēj-t-*) 'питаемое, вскармливается', ср. инфинитив *dojiti* 'вскармливать грудью', выражало единичное 'дитя' и совокупно-множественное 'дети', ср., с одной стороны, др.-схрв. собир. ж. р. *děť*, совр. диал. *dījet* и единичные: чехоморав. *děť* (м. р.) 'ребенок, мальчик', малопольск. *dzieć* 'тж'.

Общее число было утрачено, и форма **děť* подверглась переосмыслению и преобразованию. От нее образовались формы множественного числа: рус. *дети*, польск. *dzieci*, чеш. *děti* и т. п. и собирательная с уменьшительным суффиксом **detьsa*: болг. *деца*, трансформированное впоследствии в форму мн. ч., схрв. собир. ед. ч. *děца* (с функцией формы мн. ч.), макед. мн. ч. *деца*.

⁴ См.: Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974. С. 16–17. Добрев И. Старобългарска граматика. Теория на основите. София, 1982. С. 189–190.

Вместе с тем в праславянском языке была образована и форма единичности *děte* по типу названий детенышей на **-et-*.

Праслав. **ljudь*, образованное от индоевропейской основы **lēud-* 'народившееся', 'растущее' (ср. гот. *liudan* 'расти'), также выражало и единичность 'человек' и множественность 'люди'. На это указывают соответствия в балтийских языках. Ср., с одной стороны, прус. *ludis* 'человек', обнаруженное в словарице Грунау⁵, и с другой — лит. собир. ед. ч. *liáudis* 'народ' (м. р.), лтш. мн. ч. *ļaudis* 'народ, люди'. Эта основа имеет прямые соответствия и в германских языках: др.-в.-нем. *liuti* 'народ', ср.-в.-нем. *liute*, заменившее форму ед. ч. *liut* 'то же', и современное нем. *die Leute* 'люди', ср. также бургундское *leudis* 'свободный муж (человек)'. Она, таким образом, является общей славяно-балто-германской изоглоссой. Дальнейшая, хотя и отдаленная, связь с греческим, древнеиндийским, латинским⁶ указывает на индоевропейское происхождение этой основы. Последующее развитие грамматической категории числа и образование корреляций форм единственного и множественного числа, изменившие первоначальные представления о количестве, привели к тому, что праформа **ljudь* как неоднозначная была вытеснена в праславянском производной от нее грамматической формой мн. ч. **ljudьje* (< **lēud(h)eĭ-es*), а в значении единичности образована форма *людинь*. В литовском языке сохранилась древняя собирательная форма единственного числа, а в латышском она плюрализировалась.

Факты балтийских языков находят применение в историческом изучении древнейшего праиндоевропейского типа имен собирательных на **-ā*. Как показал И. Шмидт⁷, в праиндоевропейском языке формой именительного падежа множественного числа среднего рода служили имена собирательные единственного числа на **-ā / ə* (варианты обусловлены концом основы). Образования на **-ā* уже в исторический период воспринимались как формы множественного числа среднего рода. Эти формы могли функционировать в склонении имен мужского и женского рода с собирательным значением наряду с формами множественного числа в разделительном значении, напр., лат. *locus* 'место' — мн. ч. *loca* 'местность' и *loci* 'места', *acina* 'гроздь' — как множественное число среднего рода и как единственное число женского рода от

⁵ Grūnavo žodynėlis (Getingeno egz.) // Mažiulis V. Prūsų kalbos paminklai. Vilnius, 1966, p. 249.

⁶ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1967. Т. 2. С. 545; Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957. P. 268.

⁷ Schmidt J. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889.

ед. ч. *acinus* 'ягода', лат. *terra* 'земля' (ед. ч. ж. р.) является собирательной формой по отношению к оск. *terum* 'огороженный участок земли', греч. ὁ σίτος — собир. ср. р. τὰ σῖτα 'пшеница', ὄσταθμός — собир. ср. р. τὰ σταθμά 'стоянка, расположение, лагерь' наряду с мн. ч. οἱ σταθμοί, слав. *зима* — собирательное по отношению к санскр. *himá-s* 'холод', слав. *слама* — собирательное, соотносительное с лтш. *salms* 'соломина', лат. *culmus*, греч. κάλαμος 'камыш, тростник' и 'стебель, соломина' и т. п.

Форматив собирательности $*-ā$ ($< *-aH$) в праиндоевропейском языке соединялся с гласными и согласными основами и служил словообразовательным типом выражения совокупной множественности. И. Шмидт считал, что имена собирательные на $*-ā$ в праиндоевропейском языке были формами женского рода единственного числа, из них получились формы множественного числа среднего рода. Но если отнести происхождение этих форм в дограмматический период, когда числа и рода как грамматических (согласовательных) категорий еще не было, то их можно интерпретировать иначе. Прежде всего это были дородовые словообразовательные формы. По-видимому, первоначально, выражая совокупно воспринимаемую множественность неодушевленных предметов (не лиц) и отвлеченных понятий, они не имели грамматического значения ни единственного, ни множественного числа, т. е. вообще не были оформлены в числе. В дальнейшем имена собирательные, функционировавшие в качестве лексического средства выражения множественности, были осмыслены как собственно грамматические формы множественного числа среднего рода в связи с формированием словоизменительной парадигмы форм единственного и множественного числа, а те из них, которые выражали целостные предметные и вещественные понятия, как, напр., *земля*, *слама* (*солома*), *стбна*, *укра* и т. п., утратив значение множественности, стали формами единственного числа женского рода, подобно большой массе имен на $*-ā$. Факты балтийских языков находят применение в историческом изучении имен собирательных этого типа. Лит. *dervà* и *darvà*, ж. р., 'смолистые щепки, смольё, смола', лтш. *daĩva* 'тж.' имеют индоевропейский корень: др.-инд. *dāru* 'дерево (бревно, брус)', авест. *dāru* 'тж.', др.-греч. δόρυ 'дерево, бревно, брус', δρῦς 'дуб', иллир. топоним *Derva* и др. В праславянском ему соответствует собирательное по происхождению $*drū-ā$ > мн. ч. ср. р. *дрьва* 'дрова'. В таком же отношении находятся слав. $*męsa$, отмеченное в старославянских и древнерусских текстах преимущественно во множественном числе, и прус. *mensā*, *menso*, старое мн. ч. ср. р., жемайт. *meisa*, лтш. *miesa* 'тело, плоть' (склонение на $*-ā$). Кстати, лтш. *miesa* прямо соответствует древнейшему значению славянского *męso* 'тело, плоть', 'туша животного', 'кусочек мяса', на котором основывается обобщающее вещественное значение 'мясо'. Ценность этих фак-

тов заключается в том, что они имеют соответствия в древних индоевропейских языках и, следовательно, достаточно надежны.

Славянские наименования жителей по месту поселения на *-ěne / *-jane типа *словѣне* (ср. латинские и греческие варианты: *sklaveni, stlaveni, Σκλαυηνοι, Στλαυηνοι*), **gordjane* (граждане, *горожане*), *поляне*, др.-польск. *poljane* и т. п. являются по происхождению именами собирательными множественного числа. На собирательное значение указывает соотнесенность с сингулятивами (типа *поляне* — *полянинь*) и сочетаемость с собирательным числительным. Древнейшими производящими основами служили географические термины, особенно часто — гидронимы. Исконными образованиями этого типа в праславянском были племенные и другие этнические названия. Праславянский основообразующий суффикс *-ěn- имеет соответствия в греческом -ην-, литовском -ėn-as (напр.: *girėnas* 'житель леса', *kalnėnas* 'житель гор'), лтш. -ĕn(s) с теми же функциями и восходит к индоевропейскому суффиксу *-ēn-, отраженному в своем древнейшем, первичном значении отнесенности, причастности, принадлежности в отглагольных прилагательных (причастиях), напр., в латинском герундиве⁸. В. В. Мартынов отмечает, что в основе образований этого типа лежат древние патронимические названия, и приводит примеры из литовского — *seserėnas* 'сын сестры' и праславянского *-*sestrěnъ*⁹. Здесь реализуется старый тип притяжательного прилагательного. Собирательная функция типа мн. ч. *-ěn- в праславянском языке развилась на основе исконного локально-притяжательного значения. Славянские формы мн. ч. на -*ѣне*/-*яне* отражают то архаическое состояние языка, когда число имело выраженные черты словообразовательной категории.

Если сопоставить данные балтийских и славянских языков, относящиеся к этому типу, то оказывается, что между ними есть существенные различия: в славянских — исходными, первичными являются формы множественного числа: *поляне, словѣне*, а формы единственного числа (*полянинь, словѣнинь*) производны от них; в балтийских, напротив, есть исходная, первичная форма единственного числа в единичном значении:

girėnas — girėnai, kalnėnas — kalnėnai.

Балтийский вариант представляется более архаичным по фонетическому облику и в большей мере соответствует его исконному значению отнесенности, принадлежности, причастности.

⁸ См.: Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955. С. 166.

⁹ Мартынов В. В. Праславянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен. Минск, 1973. С. 37.

В славянских языках основы имен собирательных единственного и множественного числа распространяются суффиксом сингулятивного значения *-ин-ъ*: *господинъ* (др.-рус. собир. ед. ч. *господа*), *литва* — *литвинъ*, *словѣне* — *словѣнинъ* и т. п. В балтийских языках ему соответствует суффикс *-ýn-as*, напр.: *kaimýnas* 'сосед' (от *káimas* 'село, деревня'), лат. *-īnus*: *vīcīnus* 'сосед' (*vīcus* 'село'), греч. *-ῖνος*. В литовском языке этот суффикс выражает и собирательность: *brūzgýnas* 'мелколесье, густой кустарник' (наряду с мн. ч. *brūzgaĩ* 'то же'), *ėglýnas* 'заросли можжевельника', *karklýnas* 'ивняк', *lapýnas* 'лиственный лес', *lazdýnas* 'орешник' и т. п. Это тот же суффикс, что и у относительных прилагательных типа *звѣринъ*¹⁰. Значит, первоначально он выражал не единичность в ее чистом виде (как в славянских языках), а более общее и синкретичное понятие отношения, причастности, и только в процессе последующего развития было абстрагировано словообразовательное значение единичности, актуальное в славянских языках старшей письменной поры. В литовском, напротив, образования на *-ýnas* ослабили значение единичности вследствие лексикализации в определенных конкретных значениях, как, напр., слово *kaimýnas*, а суффикс *-ýn-as* развил словообразовательную функцию собирательности на той же функциональной основе.

Эти факты позволяют утверждать, что развитие грамматических значений числа — единичности и множественности происходило на основе первоначально более общих, комплексных, качественных значений путем их расчленения и абстрагирования собственно количественной стороны.

Есть сходства и различия у славянского типа **-et-* (*мелА* (юс малый), *прасА* (юс малый)) и балтийского (латышского) *-ēn-* (*vērsēns*, 'бычок', *telēns* 'теленос'): в балтийских примерах отсутствует *-t*. Но вариант этого суффикса без *-t* есть и в русском языке: *теленок*, *поросенок*. А. Мейе считает, что исконным здесь является индоевропейский суффикс "*-ēn/-ēn*", который на славянской почве был распространен элементом *t*, происхождение которого Мейе, однако, не выясняет¹¹. По мнению М. И. Отрембского, образования типа **teleⁿta* были сначала собирательными формами единственного числа и могли возникнуть из старого аблатива на **-tos*. Следовательно, суффиксальный элемент мог установиться сначала в собирательных формах, которые в соответствии с функцией множественности стали впоследствии формами множественного числа среднего рода с согласной основой на **-et*-¹².

¹⁰ Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. 2e partie: Morphologie. 1e partie: Flexion nominale. Lion; Paris, 1958. P. 310.

¹¹ Мейе А. Общеславянский язык // Пер. с франц. М., 1951. С. 294—295.

¹² Otrębski J. Przyczynki słowiańsko-litewskie. Wilno, 1935. T. 2.

Иногда славянский тип **-et-* связывают с аналогичными по значению собирательными на **-nt-* (**-ent/-ont*) в тохарском и лувийском языках, преобразованными, как и славянский тип, в формы множественного числа. На этом основании В. Махек относит славянские образования на **-et-* в их современном значении к „общеиндоевропейской“ эпохе. Но и он вслед за Э. Бенвенистом отмечает идентичность этого типа известному суффиксу причастий **-en-* и то, что этот суффикс локализовался только в славянских формах множественного числа определенной тематической группы имен существительных — в названиях детей и детенышей, тогда как единственное число у этих существительных образуется с помощью иных суффиксов, напр., *телёнок* и т. п.¹³ Вероятнее всего современное деминутивное значение суффикса сложилось на основе балто-славянского языкового взаимодействия, что же касается его происхождения, то здесь следует считаться с возможным влиянием причастного суффикса **(o/e)nt-*.

Другая группа фактов может быть использована при сопоставлении славянских языков с балтийскими для установления типологических особенностей категории числа в определенных тематических разрядах слов. Специфика категории числа наиболее отчетливо проявляется в тех группах лексики, которые по характеру предметно-логического содержания слов имеют свое, особое отношение к числу, счету, идее количественности вообще. К таким группам относятся имена существительные, выражающие вещественные и собирательные понятия. В балтийских языках в обобщающе-собирательном и вещественном значениях особенно продуктивны номинативные формы множественного числа, напр., в названиях зерна вещественное значение выражается формами множественного числа, а общее ботаническое ‘куст’, ‘растение’ и единичное ‘один стебель’, ‘одно зерно(зернышко)’ — формами единственного числа, образующими множественное число: лит. ед. ч. *avižà* бот. ‘стебель, метелка овса’ и ‘овсяное зернышко’, мн. ч. *ãvižos* ‘овес’ (зерно), лтш. мн. ч. *auzas* ‘овес’ (зерно), ед. ч. *ãuza* в значении единичности; лит. ед. ч. *kvietỹs* ‘пшеница’ (стебель и одно зернышко), мн. ч. *kviečiai* ‘пшеница в зерне’, лтш. мн. ч. *kvieši* ‘тж.’, ед. ч. *kviesis* ‘стебель и одно зернышко пшеницы’, лит. мн. ч. *miẽžiai* ‘ячмень’ (зерно), ед. ч. *miẽžis* ‘стебель и одно зернышко ячменя’, аналогично соотносятся литовские ед. ч. *rugỹs* ‘рожь’ и мн. ч. *rugiai*. Практически форма множественного числа употребляется в речи чаще формы единственного числа и потому играет роль ведущей номинативной формы, ср., напр., формы множественного числа в сочетании с другими словами: лит. *rugiu stiebai*

¹³ Machek V. Origine des thèmes nominaux en *-et-* du slave // LP. 1949. N. 1. P. 88.

‘стебли ржи’, *ryžių sriubà* ‘рисовый суп’ и т. п. Ср. также формы множественного числа в следующих предложениях: *Šitoje žemėje gerai auga rugiai, kviečiai ir miėžiai* ‘На этой земле хорошо растет рожь (мн. ч.), пшеница (мн. ч.) и ячмень (мн. ч.)’. В конкретизированном значении ‘стебель растения’ берется форма единственного числа: *Koks aukštas išaugo šitas kukurūzas* ‘Какая высокая выросла эта кукуруза!’ В обобщающем значении продукта применяется форма множественного числа: *Kukurūzai – gėras pāšaras gyvuliams* ‘Кукуруза – хороший корм для скота’.

Такое же соотношение вещественного и ботанического значений в отношении к числу характерно и для названий ягод, плодов и разных растений. Ср. еще: лит. *linas* ‘лен’ (ед. ч. – ‘стебель льна, отдельное единичное растение’) – мн. ч. *linai* ‘лен’, лтш. *lins* ‘отдельное растение льна’ – мн. ч. *lini* ‘лен’, прус. мн. ч. ср. р. *lynno*. Формы множественного числа, лексикализуемые в вещественных значениях, очень характерны, продуктивны в балтийских языках. Поэтому иногда и заимствования из русского оформляются во множественном числе, хотя в русском языке во множественном не употребляются, напр.: *garstūčios* ‘горчица’, *bařšćiai* ‘борщ’.

Учитывая соотношение вещественного и ботанического значений в названиях злаков, ягод, фруктов, овощей и т. п., можно объяснить смысл форм множественного числа типа русских *ржи, овсы, пшеницы, ячмени*, украинские разговорные *просá, вівсá, ячменá, житá*, польские *żyta, jęczmiona, prosa, owsy*, объяснить соотношение чисел в славянских названиях ягод – единственное число в русском литературном языке: *брусника, малина, ежевика, смородина* и т. п. и множественное число – в польском, чешском, белорусском, украинском, в некоторых западных и северных говорах русского языка, напр., укр. *брусниці, горниці, суниці, полуниці, черниці, веприни* ‘крыжовник’ и т. п.

Выбор формы выражения понятия определяется соотношением и распределением функций между формами единственного и множественного числа. Если форма единственного числа выражает единичное понятие, то совокупное, целостное множество обозначается существительным во множественном числе, как, напр., в балтийских языках. И это множественное лексикализуется в вещественно-собирательном значении. Если же единственное число избирается для номинации вещественного понятия, то от него принято образовывать сингулятив в единичном значении: *малина – малинина, крыжовник – крыжовина* и т. п. Причем в народной, диалектной и разговорной речи такие формы образуются активнее, чем в литературном языке. Выбор той или иной формы выражения диктуется системой языка, языковым ‘обычаем’. Формы числа альтернативны в выражении вещественных понятий.

Из славянских языков балтийским — литовскому и латышскому был наиболее близок полабский язык, в котором такие понятия, как „воск“, „горох“, „малина“, „мякина“, „солома“, „сажа“, „репа“, смола“, выражались формами множественного числа. Формы множественного числа зафиксированы А. Шлейхером¹⁴.

Наконец, укажем на соотношение форм числа в сфере имен отвлеченных. Среди отвлеченных *pluralia tantum* продуктивную во всех индоевропейских языках группу имен существительных составляют апеллятивы, выражающие значения сложных, антагонистических отношений, противоборства, соперничества, столкновения противоположностей, основанные на действительной расчлененности, множественности и единстве однородных действий. Этот тип множественного числа продуктивен в балтийских языках: лит. *dalýbos* ‘дележ’, *grumtūnės* ‘борьба, битва’, *peštūnės* ‘драка’, *rungtūnės* ‘соревнования’, *lenktūnės* ‘гонки’, *kautūnės* ‘сражение’ и под. В латышском языке много слов *pluralia tantum* с различными отвлеченными значениями действий или состояния типа *bailes* ‘страх, боязнь’, *bažas* ‘опасение’, ‘тревога’, *briesmas* ‘опасность’, ‘ужас’, *dusmas* ‘гнев’, *glaimi* ‘лесть’, *lamas* ‘брань’, *meli* ‘ложь, враньё’, *mokas* ‘мучение, муки’, *murgi* ‘бред’, *nievas* ‘презрение’, *nirgas* ‘издевательство, насмешки’, *paļas* ‘поношения, хула’, *raudas* ‘плач’, *rejas* ‘лай’, *rūpes* ‘забота’, *sāpes* ‘боль’, *sekas* ‘следствие, последствие’, *sekmes* ‘успех’, *sirdēsti* ‘горе, огорчения’, *šaubas* ‘сомнение’, *šausmas* ‘ужас’ и многие другие.

Этот тип имен отвлеченных множественного числа известен, конечно, и славянским языкам, но в славянских он менее продуктивен. Здесь представлены все важнейшие разновидности значений лексикализованного множественного числа: 1) обозначающие обрядовые действия, торжества, празднества, знаменательные события; 2) выражающие сложные, неоднородные действия, трудовые процессы; 3) выражающие конфликтность, противоборство; 4) выражающие сложные физические и душевные состояния человека и другие, более частные.

Типологические сходства и различия есть во всех индоевропейских языках, но сопоставление балтийских и славянских данных оказывается особенно эффективным для их выявления и объяснения.

¹⁴ Schleicher A. Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache. St.-Petersburg, 1871. S. 61, 102, 203, 216, 233.